

## ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

**Друзья велели:  
«Обязательно сходи  
на «Бал». Что-то  
совершенно  
необычное. Все  
передано танцем,  
но не балет. Жестом  
и мимикой, но не  
пантомима. Без  
единого слова,  
но настоящий  
драматический  
спектакль, в котором  
столько сказано!»**

Однако мне не повезло. Когда я позвонила в театр парижского пригорода Антони, жезский голос, явно уставший без конца повторять одно и то же, ответил: «Все билеты на все спектакли давно проданы. На ступеньки тоже... Потом труппа надолго уедет на гастроли... Понимаю, но ничем не могу помочь».

Помог неожиданно известный итальянский режиссер Этторе Скола. Попав на спектакль «Бал» ему, видимо, оказалось легко. Он посмотрел его. И полюбил. Да так, что решил снять по нему фильм. Эта новость, появившись в газетах, очень утешила тех, кто, как и я, не смогли «прорваться» в театр Антони. Мы стали ждать. И дождался: «Бал» вышел на экран и стал доступен многочисленным «бывшим безбилетникам».

Но прежде чем говорить об увиденном фильме, несколько слов о неувиденном спектакле.

В ныне прославленном французском «Театре Солнца» («Тэатр дю Soleil»), руководимом Ариан Мнушкиной, был актер и режиссер по имени Жан-Клод Паншена. Девять лет назад он основал свою молодежную труппу «Кампаньоль» — почти бродячую, то есть находящую временный приют то в одном, то в другом парижском пригороде — актеры играли то в помещениях дома культуры, а то и в заброшенном ангаре. Постепенно труппа создала свой репертуар — в основном классический. И приобрела определенную известность, как говорится, в масштабах области.

Параллельно работе над классикой «Кампаньоль» вел среди местного населения пригородов необычный эксперимент. Люди разных поколений рассказывали о своей молодости, об отметивших ее событиях, о песнях, которые пели, о танцах, которые танцевали. Актеры «фиксировали»... Сначала на основе этих воспоминаний был сделан легкий немой дивертимент с «нехитрой» идеей: у каждой эпохи свои моды, жесты, манеры поведения, которые чудесно иллюстрирует народный бал (иначе говоря, танцы). С соответствующим легким названием — «Субботний балок».

Однако позднее коллективная идея расширилась и ула-

# На «балу жизни» у Этторе Сколы

билась: народный бал, как зеркало, в котором отражаются эпохи, как своеобразный катализатор социальной и культурной жизни народа. Короткий дивертимент превратился в споту из восьми частей, охватывающую почти полвека современной истории Франции. «Бал» областного масштаба вылился в грандиозный «Бал», на который, к счастью, изумлению молодой труппы, жадно устремились столичная публика. И который год спустя экранизировал Этторе Скола.

Так поспешим же скорее и мы туда — в старомодный дансинг с тусклыми зеркалами и сверкающим ледяной гладью паркетом. Грохочет музыкальный ящик. Вот-вот начнутся танцы, на которые каждый (каждая) идет с тайной мыслью о возможном счастье.

Старый бармен включает такую же старую паровую кофеварку. Клубы пара на минуту закрывают одну из фотографий, висящих на стене. На ней — тот же зал и танцы, но другие, в другие времена. Пар рассеивается, и фотография оживает... Мы — в 1936 году. Народный фронт — одна из самых светлых страниц прошлого Франции. И лица танцующих — светлые. И песни, под которые они танцуют, — задорные, ликующие. И кепки лихо заломлены на затылок. И в петлице — красный цветок...

Снова клубится пар. И оживает другая настенная фотография: дансинг в дни оккупации. Он мрачен и пустынен. Услужливый коллабо (сокращение от коллаборациониста. — Е. К.) приводит сюда немецкого офицера знакомиться. Тот подолгу выбирает. Но каждая «избранница», переборов страх, находит способ отклонить приглашение. Коллабо в панике предлагает фашисту в качестве партнерши... самого себя.

И опять преобразился зал. Здесь празднуют освобождение — празднуют те, кто ждал его, кто сражался за него и теперь возвращается домой. Как этот бывший неутомимый танцор, потерявший на войне ногу, который вдруг появляется на пороге в разгар веселья. Опершись на плечо жены, он пускается в пляс — «всем смертям назло». В общий ликующий хоровод пытается незаметно втиснуться коллабо. Но... не тут-то было.

Конец сороковых годов. Старая парижская танцплощадка из всех сил «американизруется»: заокеанские ритмы, сигареты, кока-кола. Мелькают американские военные мушкетеры. На лицах танцующих улыбки. Но какие-то неестественные, растерянные. В движениях — автоматизм заводных иг-

рушек, не подвластных своей воле.

Середина шестидесятых. Дансинг лихорадит от рока и от расизма, вспыхнувшего вместе с алжирской войной. Застенчивый алжирец пробует пригласить французскую девушку. Ее отец возмущенно отгоняет «наглеца». Зал, притворяясь слепым, продолжает танцевать. Верзила-фашист избивает алжирца до полусмерти.

И вот кофеварка, она же машина времени, шипя, возвращает нас в сегодняшний день. Бал, начавшийся с иллюзий, подходит к невеселому концу. Гаснут огни. Поодионок расходятся усталые, опустошенные танцоры, так и не найдя того, что искали. Но они вернутся сюда снова: вера в счастье не погасла в их сердцах.

Пересказ мой бледен — как неминуемо был бы, например, бледен пересказ пантомимы Марселя Марсо. «За бортом» остается множество «маленьких» человеческих драм и комедий, успевающих отразиться в широких зеркалах дансинга, множество портретов, мелькнувших перед глазами и оставшихся в памяти (часто реалистических, порой мило утрированных, иной раз безжалостно карикатурных), множество мелких примет времени, всегда наполненные социальным смыслом. Остаются безудержный постановочный вкус и чутье, позволяющие стремительные переходы от пародийного фарса к трагедии без нарушения единого духа.

Действительно, ни одного слова (не считая слов песен) — а столько сказано о жизни, о времени, о людях! И какое сильное впечатление оставляет это «путешествие в ритме танца» в современную историю. Но... чья тут все-таки главная заслуга? Скромной французской труппы во главе с Жан-Клодом Паншена или известного итальянского режиссера Этторе Сколы? Осталось ли все, как было в театре, или, наоборот, все изменилось? Поскольку сама я спектакль не видела и не могла сравнивать, то решила, что надежнее всего услышать мнение самих создателей. И услышала. Точнее, отыскала его в различных газетных интервью.

**Жан-Клод Паншена:**

«Это тот редчайший случай, когда театральный спектакль не был ни механически перенесен на экран, ни полностью переделан, а творчески преобразован в соответствии с возможностями киножанра. Например, мобильные камеры позволили психологически углубить портреты. Однако целиком сохранился наш «Бал» — с нашей идеей, композицией,

манерой игры, которую Скола, к счастью, не пытался «приглушить», как это сейчас модно в кинопостановках.

**Этторе Скола:**

«Кино» вместительнее театра — экономится время, затрачиваемое на смену костюмов, декораций. За счет этого я смог увеличить темп повествования и расширить его хронологически. Но все изменения вносились в полном согласии с труппой. Кстати, меня очень пугали: кинематографисту не найти общего языка с театральным коллективом — каждый будет тянуть в свою сторону. Ничего подобного: мы всегда понимали друг друга».

Запутывания носили далеко не бескорыстный характер. Продюсеры всячески пытались склонить Сколу к тому, чтобы вместо актеров из «Кампаньоль» «набрать» звезд. Но режиссер стоял на своем: 20 «безымянных» исполнителей, играющих в спектакле более ста ролей, блестяще делают свое дело, и нет никаких оснований их «отстранять».

Настолько блестяще, что становится даже страшновато, когда подумаешь, что на их месте могли оказаться знаменитости: здесь была необходима именно безымянность. Она-то и создает ощущение подлинного народного бала, его социальной достоверности. Она-то и заставляет французскую публику смотреть фильм (а до него — спектакль), как свою собственную биографию.

«Быть биографом публики, объяснять ей ее прошлое и настоящее — это, по-моему, высшее назначение киноискусства», — говорит Скола. — Во Франции в последнее время мало кто из режиссеров об этом заботится. Так что я, можно сказать, выполняю их работу».

И прежде чем закончить, об одном «полуупреке» некоторых критиков. В фильме, писали они, атмосфера сегодняшнего бала очень уж безрадостна, гнетуща. Не стужены ли краски? «Так ведь краски сгустила сегодня сама жизнь, суть которой выражает бал», — отвечал критикам Скола. — Наше общество переживает невиданный кризис. И не только экономический: ломаются нормальные человеческие отношения, все больше людей ощущают себя одинокими, потерянными, лишены «на балу жизни», испытывают разочарование и горечь. Однако — и это главное в фильме — они не теряют надежды. Надежда — великая сила. Она помогает человеку выстоять в самые трудные моменты истории. Она — я верю — поможет ему и сейчас».

**Елена КАРАСЕВА.  
ПАРИЖ.**